Из стенного шкафа вывалилось несколько предметов одежды: черные шорты для бега, белая рубашка без рукавов, носки, трусы и пара черных кроссовок. Они подплыли к Гарри, который схватил их один за другим и надел. Только после того, как последний предмет одежды был надет на него, он схватил часы и прикрепил их к запястью.

Он посмотрел на часы, проверяя время. Было четыре часа утра, а это означало, что вряд ли кто-то еще в доме проснулся в этот момент. Это было хорошо, это означало, что Гарри не будет потревожен, когда он вернется с утренней зарядки. С этими мыслями Гарри вышел на улицу.

Воздух снаружи был свежим, прохладным и освежающим. Идеальная атмосфера для того, чтобы хорошенько попотеть, решил Гарри, запирая дверь и приступая к утренней разминке, наклоняясь и касаясь пальцами ног, поворачивая туловище из стороны в сторону, вытягивая руки за спиной и над головой. Он был немного напряжен этим утром, без сомнения, это было вызвано особым воспоминанием, которое решило преследовать его сны прошлой ночью. Это заняло немного больше времени, чтобы размяться из-за этого, но это было нормально, он все равно проснулся немного раньше, чем обычно.

Как только он закончил свои растяжки, Гарри нажал кнопку на своих часах, чтобы запустить таймер, и начал свой бег. Гарри направился в парк, меняя скорость от легкой пробежки до полного спринта, переходя от прямой линии к зигзагообразным узорам. Он всегда любил смешивать свои тренировки, иногда бег трусцой, иногда обычный бег, а иногда совмещать их вместе. Это помогало уберечь его тело от получения травм и задействовать все группы мышц.

Когда Гарри добрался до парка, он начал следующую часть своей рутины: отжимания, приседания, подтягивания. К тому времени, как он закончил, его тело испытывало приятную боль, человека, который напряженно работал своими мышцами.

Этим Гарри занимался почти каждое утро. Пять дней в неделю он просыпался по утрам и занимался физическими упражнениями. Иногда он доводил себя до крайности, делая все возможное, чтобы преодолеть свои физические границы, в других случаях, как сегодня, он делал только то, что считал легкой разминкой. Он не мог позволить своему телу превратиться в распухший синяк из-за своих сегодняшних планов. Закончив работу, Гарри легкой трусцой направился домой.

Физически в доме Дурсль мало что изменилось. Гостиная была почти такой же, как в ту ночь, когда Гарри высадили на пороге дома Дурсль. Только фотографии на каминной полке показывали, сколько времени прошло. Десять лет назад было много фотографий того, что выглядело как большой розовый пляжный мяч в разноцветных шляпках - но Дадли Дурсль уже не был ребенком, и теперь на фотографиях был изображен большой белокурый мальчик со свиным лицом, катающийся на своем первом велосипеде, на карусели на ярмарке, играющий в компьютерную игру с отцом, обнимаемый и целуемый матерью. Как и все остальное, кроме спальни Гарри, в этой комнате не было никаких признаков того, что он там живет.

Это его вполне устраивало, в любом случае он никогда по-настоящему не считал Дурсль своей семьей. В семье было нечто большее, чем просто кровное родство.

Гарри вскоре вошел в ванную, раздеваясь от своей теперь уже покрытой потом одежды. Он включил душ и вскоре вошел в ванную. Вместо того чтобы сразу же начать мыться, Гарри прижал ладони к стене, и вода ударила ему в спину. Было холодно, по крайней мере, поначалу, но вскоре потеплело до такой степени, что комната начала покрываться паром. Примерно через минуту или две, просто позволив горячей воде стекать по его телу, Гарри схватил кусок мыла и начал отмываться. Свободной рукой он указал на бутылку шампуня, которая поднялась

с края ванны и поплыла к нему, остановившись только после того, как поднялась над его головой. Маленькая крышка открылась и начала падать на его голову, прежде чем снова опуститься на свое первоначальное место. После того, как он закончил чистить свое тело, черноволосый юноша быстро обработал шампунь в его волосах в тонкую пену, прежде чем смыть его. Вскоре после того, как он закончил уборку, Гарри выключил воду, вышел, схватил полотенце и начал вытираться. Именно в этот момент он поймал свою фигуру в запотевшем зеркале.

В свои почти одиннадцать лет Гарри Поттер был немного выше среднего роста. Его тело было очень худым и, вероятно, всегда будет таким, но там, где большинство детей его возраста были просто тощими, фигура Гарри обладала твердыми, как хлыст, мускулами. Куда бы он ни посмотрел, всюду виднелись очертания его мускулов, в том числе и зачатки шести кубиков. Он не был таким определенным, как у некоторых более спортивных мальчиков, которые начали половое созревание, но он был намного выше, чем у любого ребенка его возраста.

Гарри, конечно, знал причины этого. Или, по крайней мере, у него была теория, почему у него больше мускулов, чем у ребенка его возраста. Но без каких-либо истинных знаний по этому предмету он не осмеливался проверить свою теорию.

Помимо его довольно впечатляющих физических данных, в любом случае для десяти-одиннадцатилетнего мальчика, у Гарри было несколько шрамов, которые были на его спине и груди. Большинство из них не были серьезными, его дядя редко делал что-либо, что могло бы вызвать физические доказательства повреждений, которые он использовал, но было несколько на его спине, которые он получил от ударов ремнем своего дяди. Конечно, на лбу у него был заметный шрам в форме молнии, который он получил, когда умерли его родители.

Через секунду он отбросил мысли о своих шрамах (боевые раны, как часто шутил Гарри), вошел в свою комнату и переоделся в облегающие черные джинсы, зеленую рубашку в тон глазам и пару кроссовок "Конверс".

Следующие полчаса он провел, сидя на полу, скрестив ноги, с закрытыми глазами и ровным, размеренным дыханием. Гарри обычно делал это каждый день, чтобы очистить свои мысли, чтобы он мог думать, не будучи заваленным случайными воспоминаниями. Это не удерживало их, но медитация, по крайней мере, гарантировала, что они не будут беспокоить его. Когда он закончил, часы показывали ровно шесть.

Наконец, закончив, Гарри направился на кухню. Он взял несколько мисок и две сковородки из буфета, яйца, молоко, сыр и масло из холодильника, муку и сахар из кладовой. Он включил плиту, поставил две сковородки на разные конфорки и положил на каждую по ложке масла. Он начал складывать ингредиенты в миску, разбивая яйца и смешивая муку с молоком, добавляя сахар и немного масла. Смешивая ингредиенты в прекрасное тесто, он что - то напевал себе под нос.

За последние пять лет он научился получать удовольствие от готовки и в одно из летних каникул прошел несколько кулинарных курсов. Его любовь к кулинарии была единственной причиной, по которой он все еще готовил завтрак и ужин для Дурсль, когда бывал дома.

Убедившись, что в тесте нет комков, он перешел к сковородкам, масло растаяло, и он постарался равномерно распределить его по поверхности. Сделав это, Гарри достал еще одну миску, разбил шесть яиц, добавил немного соли и перца и с энтузиазмом взбил их. Он всегда готовил что-то особенное для себя, не особо интересуясь менее здоровой пищей, которая так нравилась его родственникам.

Как только масло растаяло и начало подрумяниваться, Гарри вылил яйца на сковороду и помешал их плоской стороной вилки. Когда боковые части начали застывать, он поднял боковую часть и потянул ее в центр, повторяя это до тех пор, пока половина яиц не была готова. Он положил три столовые ложки сливок на яйца, затем щедро посыпал их сыром Чеддер Болдерсона и положил под гриль. Он сунул два тоста в тостер, подошел к другой сковороде и перевернул на нее блин. Звук открывшейся двери в кухню-гостиную заставил его оторваться от яиц и блинов, которые он готовил.

- Тетя Петуния, - коротко кивнул Гарри. Его отношения с тетей были, пожалуй, самыми странными из всех. Они не любили друг друга, Гарри, может быть, и не ненавидел эту женщину, как раньше, когда был моложе, но он очень не любил ее и знал, что она презирает или, по крайней мере, очень не любит его.

Конечно, ее чувства к Гарри были настолько смешаны с другими эмоциями, что Гарри мог чувствовать, но ничего не понимал из того, что он часто оставался в замешательстве. Однако Петуния была также чем-то вроде посредника между ним и двумя другими Дурсль, которые разговаривали с ним только в случае крайней необходимости. Из-за этого отношения между ними оставались несколько сердечными. Хотя Гарри был уверен, что одной из причин ее сердечности был страх.

- Хорошо, ты готовишь завтрак, - сухо и официально сказала Петуния.

- Постарайся ничего не сжечь; я хочу, чтобы все было идеально ко дню рождения моего Дадли.

"Ага, да", - подумал Гарри. Сегодня был День Рождения Дадли, и забыть об этом было довольно трудно, главным образом потому, что было довольно трудно пропустить все подарки, которые практически скрывали стол, за которым они сидели. Похоже, Дадли получил новый компьютер, не говоря уже о втором телевизоре и гоночном велосипеде. Почему именно Дадли захотел гоночный велосипед, Гарри не мог понять, поскольку Дадли был очень толстым и ненавидел физические упражнения – если, конечно, это не включало в себя удар кулаком. Первые шесть лет жизни Гарри он был любимой боксерской грушей Дадли. Конечно, все изменилось, когда он вошел в свою магию. Теперь мальчик со свиным лицом боялся его даже больше, чем тетя.

- Да, тетя Петуния, - сказал Гарри шутливым голосом. Они оба знали, что она ничего не сможет сделать, если он решит взбунтоваться.

Петуния фыркнула, кивнула и направилась обратно к лестнице, чтобы позвать Дадли. Гарри почти закончил готовить завтрак, когда Дадли появился на кухне вместе с матерью. Дадли был очень похож на дядю Вернона. У него было большое розовое лицо, небольшая шея, маленькие водянистые голубые глаза и густые светлые волосы, которые гладко лежали на его толстой, жирной голове. Тетя Петуния часто говорила, что Дадли похож на маленького ангела – Гарри обычно задавался вопросом, сколько веток ударило его кузена, когда он упал с толстого и уродливого дерева.

Гарри поставил тарелки с блинами, яйцами и беконом на стол, что было трудно, так как там было не так много места. Он вернулся, достал из-под гриля свою еду, тост и сел есть. Дадли тем временем пересчитывал подарки. Его лицо вытянулось.

- Тридцать шесть, - сказал он, глядя на мать и отца. Гарри был поражен тем, что его кузен мог считать так далеко, раньше он мог сосчитать только количество пальцев на руках.

- Это на два меньше, чем в прошлом году.

- Дорогой, ты не учел подарок тети Мардж, видишь, он здесь, под большим подарком от мамы и папы.

- Хорошо, тогда тридцать семь, - сказал Дадли, краснея. Гарри, видя, что Дадли вот-вот закатит истерику, подошел к столешнице, чтобы поесть на случай, если Дадли перевернет стол.

Тетя Петуния, очевидно, тоже почуяла опасность, потому что быстро добавила:

- А сегодня мы купим еще два подарка. Как тебе это, Попкин? Еще два подарка. Это нормально?

Дадли на мгновение задумался. Похоже, для него это была тяжелая работа. Наконец он медленно произнес:

- Значит, у меня будет тридцать...тридцать....

- Тридцать девять, сладенький, - сказала тетя Петуния.

Дадли тяжело опустился на стул и схватил ближайший сверток.

- Тогда ладно.

http://tl.rulate.ru/book/47019/1122525